

"Он выступал как просветитель, преследующий цели пробуждения мусульман Азии"

(Р. Ибрагимов в Японии)

Точно неизвестно, когда Рашид Ибрагимов побывал в Японии первый раз. Считается, что это произошло в 1902 или в 1903 г.* Второй раз Р. Ибрагимов приехал в Японию в начале 1906 г. Все эти визиты были краткосрочными, а об их целях и результатах до сих пор практически ничего неизвестно. Однако о посещении Ибрагимовым Японии в 1909 г., ставшим наиболее результативным как для него, так и для истории тюрко-японских отношений, известно не только из японских источников. Р. Ибрагимов оставил дневниковые записи своего пребывания в этой стране, которые объединил в книгу, оказавшую впоследствии огромное влияние на формирование образа Японии и отношение к ней во всем мусульманском мире¹. С 1933 г. Япония стала для него второй родиной.

Чем привлекала его эта страна, которая в конце концов стала местом его упокоения? Попытки ответить на этот вопрос и описать периоды пребывания Р. Ибрагимова в Японии предпринимались давно², однако они не привели к созданию целостной картины, прежде всего в силу ограниченности источниковой базы.

16 сентября 1908 г. Р. Ибрагимов выехал из Казани в свое, пожалуй, самое длительное и важное путешествие

в жизни — через Сибирь, Маньчжурию, Японию, Корею, Китай, Юго-Восточную Азию, Индию и арабский Восток в Стамбул. Во время путешествия он присылал свои путевые заметки в казанскую газету «Бәян әл-хак» (Разъяснение истины) и стамбульский журнал «Сират-и-мустахим». Его заметки не были простыми дневниковыми записками путешественника. Как отмечает профессор Хисао Комацу, они представляли собой размышления политического и религиозного деятеля, который хотел пробудить сознание мусульман посредством описания реального положения дел в мусульманском мире на просторах Евразии, а также пытался найти пути для освобождения мусульман от колониального режима западных держав³. В предыдущих поездках в Японию и в другие страны у Ибрагимова сложилось мнение о том, что Японии следует сыграть решающую роль в реализации этой стратегии, а потому путешествие 1908-1909 гг. преследовало уже конкретные пропагандистские и организационные цели на сей счет.

Во Владивостоке, в ожидании парохода в Японию, он посетил японское консульство, что дает основание предположить, что японцы уже располагали информацией о нем и целях его поездки в Японию. 2 февраля 1909 г. Р. Ибрагимов прибыл на пароходе «Пусан-мару» в порт Цуруга на побережье Японского моря, откуда поездом добрался до Йокохамы. Судя по его интервью, данному журналу «Дипломатический вестник» в

* Первые визиты Р. Ибрагимова в Японию относятся к 1902 и 1903 гг., когда он занимался антироссийской пропагандой. Несомненно, контакты с японцами у него установились до 1902 г., но о них практически ничего неизвестно (см.: Rorlich, A. The Volga Tatars. A Profile in National Resilience. — Moscow, 2000. — P. 236).

марте 1909 г., он собирался пробыть в Японии около двух месяцев⁴, но фактически пробыл там в два раза дольше. Несмотря на незнание японского языка, он изучал Японию и японцев с огромным интересом. Его помощником и переводчиком был Итсудзо Накаяма, в токийском доме которого он часто останавливался во время посещения столицы. Р. Ибрагимов не только осматривал столицу и ее пригороды, он предпринял путешествие вглубь страны, причем совершил его пешком, чтобы познакомиться с жизнью обычных граждан. Одновременно он изучал японскую политическую и социально-экономическую жизнь, а также традиции и обычаи.

Параллельно Р. Ибрагимов занимался пропагандой своих идей и обсуждением их возможной реализации совместно с японцами. Его привлекали редакции газет, общественные и политические организации, представители исполнительной и законодательной власти. Во время его пребывания в Японии главные газеты страны постоянно писали о его деятельности и целях его поездки⁵. Можно утверждать, что Р. Ибрагимов преуспел в самопрезентации японской аудитории, которая вряд ли что-то знала тогда о мусульманах в России. Одновременно с записями он фиксировал свои наблюдения на фото пленку.

Р. Ибрагимов стремился встретиться с разными людьми, для того чтобы больше узнать об этом народе и стране в целом, а также обсудить волнующую его тему объединения сил азиатских народов против европейского колониализма. Список его встреч включал как обычных людей, так и бывших премьер-министров, университетских профессоров и знаменитостей. Среди них были — Хиробуму Итоу*, Шигенобу Окума**, Цуёси Инукаи***, Ивао Ояма**** и два ультранационалистских

лидера, которые проповедовали пан-азианистскую идеологию в японских интересах, Мицуру Тояма***** и Рёхей Учида*****. Возможно, именно по рекомендациям последних Ибрагимов имел возможность выступать в университетах и на собраниях общественных организаций на русском языке.

Сравнивая японские черты характера и особенности национальной жизни — достоинство, чувство равенства, неразделение на классы, вежливые манеры с качествами европейской и мусульманской культур, он полагал, что сильный «национальный дух» является наиболее важной характеристикой японской нации. Основной причиной быстрого прогресса японцев, по его мнению, было интенсивное восприятие опыта западной науки и технологий с сохранением японских духовных ценностей. Другими словами, японцам удалось, по его мнению, не теряя собственных традиций и идентичности, сохранить национальную самобытность.

Одновременно он говорил об опасности искусственной вестернизации, указывая на политические мотивы супердержав, скрываемые за миссионерской деятельностью, в том числе Русской Православной Церкви. Как отмечает Комацу, Р. Ибрагимов проявлялся в этом не просто как панисламист, находящийся в постоянной оппозиции к христианству, а как мусульманский интеллигент, который видел культурный империализм за фасадом миссионерской активности⁶.

Он полагал, что Япония представляет собой идеальную модель для мусульманских реформ, так как она была более «модернизированной», чем хри-

щий японскими войсками в Маньчжурии в период русско-японской войны 1904-1905 гг.

***** Тояма Мицуру (1855-1944), харизматический лидер первого ультранационалистического общества «Гёньосё» (1877-1946), которое защищало японское проникновение на континент и жесткую внешнюю политику. До своей смерти он сохранял сильное влияние на националистические группы в стране. Его близкие отношения с Р. Ибрагимовым продолжались всю его жизнь. Они были почти ровесниками и скончались в один год, с разницей в несколько месяцев.

***** Учида Рёхей (1874-1937), активный лидер ультранационалистического общества «Кокурюкай». Он поддерживал войну против России после интервенции в 1895 г. Когда Р. Ибрагимов встретился с Учида, тот уже был вовлечен в подготовку аннексии Кореи Японией.

* Хиробуму Итоу (1841-1909), известный политический деятель периода Мейдзи. В 1885-1888, 1892-1896, 1900-1901 гг. — премьер-министр Японии.

** Шигенобу Окума (1838-1922), в 1898 г. и в 1914-1916 гг. премьер-министр Японии. В 1888-1889, 1896-1897 гг., 1898 г., 1915 г. — министр иностранных дел Японии.

*** Цуёси Инукаи (1855-1932), в 1931-1932 гг. премьер-министр Японии.

**** Ивао Ояма (1842-1916), маршал, главнокомандую-

стианская Россия или мусульманская Османская империя. Акцент Р. Ибрагимов делал не столько на сохранении старых традиций, сколько на приспособлении их к новым условиям формирования нации.

Он пытался привлечь внимание политических и военных деятелей к китайским мусульманам, полагая что последние могут стать лучшими партнерами японцев в грядущих переменах в мире. Подобное партнерство рассматривалось им в качестве одного из пунктов стратегии, ориентирующейся на союз азиатов посредством объединения мусульманского мира с Японией в целях сопротивления колониальной политике великих держав в Азии. Он также предлагал программу сотрудничества с мусульманами по всему миру, включая Китай, Яву и Индию. Лучшим методом объединения мусульманского мира с Японией он считал принятие ислама этой страной. Хотя Р. Ибрагимов верил, что японские традиционные ценности полностью совпадают с доктринами ислама, он был убежден в том, что японцам не следует принимать ислам, если отсутствуют политические и экономические интересы. В существовании таких интересов у Японии он не сомневался.

Впрочем, он не был первым, кто предлагал Японии принять ислам. Граф Окума в разговоре с Р. Ибрагимовым упомянул трех его предшественников — турецкого и индийского (вероятно, пакистанского) мусульманина, а также египетского ученого.

Общество «Кокурюкай»

Наиболее вероятно, что Р. Ибрагимов приехал в Японию в 1908 г. по приглашению общества «Кокурюкай»^{*} — известной ультранационалистической организации Японии, которая поддерживала практически все националистические движения в Азии, направленные против прозападных режимов. Одновременно идеологией организации было провозглашение ведущей роли Японии в освобождении Азии и служение

японским имперским интересам посредством тесных связей с армией и разведкой, сбора информации и тайной деятельности. Несомненно, интерес к мусульманским странам также был вызван целями создания прояпонского лобби в исламском мире. Возможно, появление правых групп с националистической и антизападной идеологией было вызвано стремлениями той части японской элиты, которая не принимала участия в реставрации Мейдзи, но ожидала реванша и возвращения к власти.

По мнению турецкого исследователя Сельчук Эсенбель, в контексте азиатизма и японского империализма начала века японцы начали воспринимать отношения с Османской империей как часть большого плана по рекрутированию мусульман, поддерживающих цели японской империи⁷. Множество фактов говорит о том, что сначала они заинтересовались созданием прояпонского лобби среди лидеров политических кружков мусульман России, тех, кто уже находился в идеологической или националистической оппозиции к панславянскому царистскому режиму.

Известно, что во время второго визита в Японию в 1906 г. Р. Ибрагимов поддерживал тесные контакты с Акаси Мотодзиро^{**}, резидентом японской разведки в Европе. Некоторые исследователи считают, что деятельность последнего как раз спровоцировала революционные волнения 1905 г. в России. После возвращения в Японию Акаси помогал сыну Р. Ибрагимова Муниру учиться в университете Васеда на средства общества «Кокурюкай»⁸. И вполне вероятно, что именно он занимался организацией приезда Ибрагимова в Японию годом позже.

По мнению Сельчук Эсенбель, несколько представителей японских военных и гражданских кругов с азиатской идеологией и их мусульманские друзья сформировали «исламский кружок» в Японии в последний пери-

^{*} Более известно под названием «Общество Черного Дракона».

^{**} Акаси Мотодзиро (1864-1919), агент японской разведки. Закончил Токийскую военную школу, в 1901 г. был военным атташе во Франции. После революции 1905 г. вернулся в Японию. В 1910 г. был направлен в Корею, а в 1918 г. возглавил колониальную администрацию на Тайване.

од эпохи Мейдзи⁹. Эти отношения привели в конце концов к принятию японским правительством исламоориентированной политики «кайкё сейсаку», или «кайкёрон», в предвоенный период. Одним из самых ярких представителей этого кружка в исламском мире был именно Р. Ибрагимов. Его аргументы не остались без внимания японских националистов и паназиянистов. Его стали рассматривать как наиболее известного политического лидера среди российских мусульман. Его панисламистские взгляды на союз азиатских народов вполне совпадали с их паназиянистской идеологией.

Исследовательница оценивает деятельность Ибрагимова в контексте истории идей, которая по сути своей транснациональна, истории международных отношений национализма. То, что сегодня называется «сетевыми» социальными системами, исторически существовало очень давно. И деятельность любых активистов в изгнании против существующего в их стране режима всегда носила «сетевой» характер. Р. Ибрагимов был одним из тех, кто активно использовал такой метод для распространения своих убеждений. Токио был как раз тем местом, которое мусульманские активисты рассматривали как один из центров своей деятельности. Только посредством нелегальных не прямых контактов было возможно для японских азиянистов и мусульманских активистов в этот период установить отношения с многомиллионным мусульманским населением мира, основная масса которого находилась под прессом колониальных прозападных режимов. Именно поэтому выбор маршрута путешествия для Ибрагимова был неслучаен. Здесь существовало пространство совпадения его интересов с интересами японских националистов.

Обмен идеями с японскими азиянистами привел к возникновению исламской политики Японии. Идея особой политики в отношении мусульман формулировалась в среде националистических кругов Японии. Однако в тот момент это еще не означало официальную

политику правительства, а лишь будущее, лишь надежду на создание круга сочувствующих, тех, кто в 1930-е гг. стал лоббировать близкие отношения между Японией и мусульманами на государственном уровне. Это лобби включало Токутоми Сохо, Рёхей Учида и Мицуру Тояма — основателей националистического общества «Кокурюкай», которое принимало Ибрагимова в Японии сначала в 1908-1909 гг., а затем и в середине 1930-х гг., и другие военные фигуры, связанные с обществом «Тоа Добункай»^{*}.

Общество «Азия Гикай»

Инструментом реализации общих для Р. Ибрагимова и паназиянистов идей по привлечению внимания мусульман к Японии, а также по созданию союза азиатских народов, стало организованное во время пребывания Ибрагимова общество «Азия Гикай» (Общество пробуждения Азии). Общество было создано в Токио 7 июня 1909 г. Со стороны японцев непосредственными организаторами стали агент Генерального штаба японской армии и паназиянист Дзютаро Накано (1866-1928) и Такеёси Охара (1865-1933), бывший офицер Генерального штаба японской армии и член общества «Тоа Добункай», который впоследствии принял ислам и получил новое мусульманское имя Абу Бакир лично от Ибрагимова. Первым этапом реализации своего амбициозного плана они рассматривали создание мечети в Токио, как символа сотрудничества Японии с исламом.

Общество приняло решение об открытии мечети в Токио в офисе «Тоа Добункай», а японские и мусульманские участники на организационном собрании подписали клятву^{**} посвящения себя паназиянистским исламским целям. Те, кто подписал в 1909 г. эту клятву, были членами или близко ассоции-

^{*} «Тоа Добункай» (Общество восточноазиатской дружбы) — негосударственное общество, основанное в 1898 г. с целью продвижения дружбы между Японией и Китаем.

^{**} Клятву подписали Р. Ибрагимов, М. Тояма, Дз. Накано, Я. Накаяма, Ц. Инукаи, Т. Охара, К. Аоянаги, К. Ямада, Х. Коно. Среди участников организационного собрания были и мусульмане Индии, но они не подписали клятву.

рованными участниками общества «Кокурюкай» и впоследствии посвятили свою жизнь заявленным целям.

Клятва была опубликована на японском языке первый раз в 1938 г., когда Накаба Вакабаяси, эксперт по исламу, работавший в военной полиции в конце 1930-х гг., опубликовал ее в своей книге «Kaikyō sekai to nihon» (Исламский мир и Япония). Вакабаяси представил историю клятвы как часть пропагандистского лозунга, подтверждающего факт установления связи Японии с исламом уже в период Мейдзи¹⁰.

В 1936 г. общество «Кокурюкай» выпустило книгу «Биографии первых патриотов Восточной Азии», в которой была перепечатана статья из газеты «Асахи синбун», рассказывающая о членах общества «Кокурюкай», помогавших строить храм на горе Дзон Джинан в провинции Антунг в Маньчжурии, в который клятва 1909 г. была торжественно возложена. Этот вариант клятвы начинался с цитаты из Корана «объединить человечество», написанный каллиграфическим почерком самим Ибрагимовым. Вслед за ней следует запись Накано на японском: «Если у нас есть пятно предательства в сердцах, пусть все боги небес и земли накажут нас со всей жестокостью». Далее еще одна строчка из Корана, написанная Ибрагимовым: «Перед Богом мы обещаем не отступать от нашей клятвы»¹¹. Как отмечает Сельчук Эсенбель, этот текст — яркое визуальное и эстетическое подтверждение соединения мусульманской и японской каллиграфии.

Общество «Азия Гикай» провозгласило следующее: «Наша Азия, будучи полной возвышенными и священными мыслями, занимает наиболее важное место в мире. Азия превосходит любой другой континент по размерам, дикой природе, размеру населения и богатству продукции. Кроме того, первая цивилизация возникла в Азии, и великая мысль пришла из Азии. Однако великая печаль наша в том, что у азиатских народов не только отсутствует общение с ней, но они также не стесняются бороться друг с другом. Эта борьба между азиатскими народами позволила западным

силам вторгнуться на Восток. Без понимания этой ошибки и прекращения внутренних раздоров азиатские народы не имеют будущего. Будучи уверенными в своих способностях, азиатские народы с их выдающимися этическими философиями и манерами, так же как и с особым характером и мышлением, должны приложить усилия к реформированию и развитию Азии. Именно поэтому мы основали “Азия Гикай”. Мы хотим обратиться с нашими целями к широкой аудитории в Азии и призвать ее к участию в организации и ее поддержке»¹².

Общество собиралось активно заниматься деятельностью по четырем направлениям:

1. Для развития азиатских стран изучить религию, образование, экономику, географию, колонизацию, международные отношения, политику и военные дела в Азии;

2. Результаты исследования должны были быть опубликованы в журнале «Dai Tou» (Великий Восток);

3. Открыть свои представительства в Китае, Таиланде, Индии, Персии, Афганистане, Турции и других регионах;

4. Отправить своих членов в азиатские страны для полевых исследований.

Неизвестно, что из этой программы было фактически реализовано, так как существование общества было недолгим. Однако известно, что по предложению Р. Ибрагимова президент общества Охара послал письмо в управление шейх ул-ислама и султану Османской империи Абдул-хамиду II в середине 1910 г. с просьбой прислать своих представителей в Японию и о финансовой поддержке проекта строительства мечети.

Обоснование мусульманской религии в Японии

В Японии Р. Ибрагимов проявился также как истинный мусульманский миссионер. Его наиболее крупным достижением в качестве миссионера стало сопровождение в хадже в Мекку Котаро Ямаока*. После хаджа и Ямаока и

* Котаро Ямаока (1880-1959), в 1903 г. окончил факультет русского языка Токийского колледжа иностранных языков (ныне Токийский университет иностранных языков).

Ибрагимов опубликовали свои путевые записки. Записки Ямаока были опубликованы в 1911 г. на японском языке под названием «Путешествие по Арабскому полуострову»¹³. Так как оба дневника были опубликованы на разных языках и в разных странах, они практически до настоящего времени не использовались специалистами вместе для корреляции изложенных данных и еще ждут своих исследователей, отмечает профессор японского университета Кейо Цутому Сакамото¹⁴.

Русско-японская война сыграла большую роль в судьбе Ямаока, так как он был направлен в Маньчжурию для сбора военной разведывательной информации о движениях противника в регионе. Его работа в японской разведке продолжалась вплоть до 1908 г. не только на территории Маньчжурии, но и в Монголии, и в Корее. Директором разведывательного отдела в г. Чанту был майор Такеёси Охара, по счастливому стечению обстоятельств также уроженец родного города Ямаока Фукуямы.

В то время японская разведка и офицеры японской армии, включая Ямаока и Охара, постепенно пришли к пониманию того, что российские мусульмане могли быть использованы в борьбе против России как во время войны, так и после нее. Они были поражены антироссийскими настроениями как попавших в плен российских мусульман, так и членов Харбинской мусульманской общины, основу которой составляли тюрко-татары. Эмигрантские общины поддерживали тесную коммерческую и информационную связь с родиной. Именно эта связь рассматривалась японской разведкой в качестве основного инструмента своей работы.

Японская разведывательная сеть против Российской империи была создана одним из талантливых японских офицеров — полковником Ясумаса Фукусима. Он занимал пост директора второго отдела объединенного Генерального штаба японской армии, который являлся центром японской армейской разведки в 1899-1906 гг. Охара был в непосредственном подчинении у него. Пре-

следуя цель создания разведывательной сети против России, Фукусима принял несколько поездок: из Берлина, где он был военным атташе посольства, в Стамбул с октября 1889 по февраль 1890 г.; из Берлина в Токио в 1892 г. через российскую Сибирь на перекладных, когда строительство Транссибирской магистрали было лишь на бумаге (это путешествие снискало ему славу национального героя и самого авторитетного военного аналитика по проблемам России); и из Токио в Стамбул через Иран, Центральную Азию, Кавказ и Ирак с октября 1895 по март 1897 г. Все эти поездки дали огромное количество информации о России и ее соседях. Ближний Восток, включая Стамбул, по его мнению, был самым подходящим местом со стратегической точки зрения для ведения разведывательной деятельности в отношении России. Именно он непосредственно повлиял на организацию миссии Ямаока, одной из целей которой был сбор наиболее полной информации о Ближнем Востоке для выстраивания разведывательной сети против России с юга. В 1906 г. Фукусима стал вице-председателем объединенного Генерального штаба японской армии. На одном из тайных совещаний он открыто признался в своих симпатиях к паназиянизму и сказал, что поездка в Мекку, несомненно, отвечает требованиям национальных интересов Японии в будущем. Таким образом, через Охара его идея была воплощена в поездке Ямаока, принявшего ислам в ноябре 1909 г.

11 декабря 1909 г. Ибрагимов и Ямаока прибыли в Мекку, где пробыли почти месяц в доме Мухаммада Мурата, шейха суфийского братства Накшбандийа.

Как только они начали паназиятскую пропаганду, сразу наметились разногласия между Ямаока и Ибрагимовым. Если первый пытался убедить мусульман в лидирующей роли Японии, то Ибрагимов пропагандировал объединение мусульман под руководством османского халифа Мехмета V. Оба приняли участие в трех конференциях, проводимых под эгидой младотюркско-

го правительства. Ямаока выступал на русском, а Р. Ибрагимов переводил его выступления на арабский язык.

По окончании хаджа Р. Ибрагимов и Ямаока вернулись в Стамбул через Медину и Бейрут. Во время своего пребывания в Стамбуле Ямаока получил поручение Охара подать через Р. Ибрагимова петицию османскому султану с просьбой разрешить строительство мечети в Японии. Письмо было принято без особых проблем, так как Ямаока стал первым хаджи Японии и очень хорошо воспринимался турецким обществом. Во время своего пребывания в столице Турции Ямаока был очень занят встречами с различными людьми¹⁵.

После успешного окончания своей миссии в Стамбуле Ямаока вернулся в Японию через Одессу, Москву и Сибирь в июне 1910 г. Р. Ибрагимов остался в Турции, предложив свои услуги младотюркам. По оценке Сакамото, хадж Ямаока можно оценивать как попытку Ибрагимова объединить панисламскую стратегию с паназиятской внешней политикой Японии в период после русско-японской войны¹⁶.

В Японии Ямаока продолжил свою деятельность среди китайских мусульман. Он воспитывал будущих японских мусульманских агентов. Он призывал правительство принять «исламскую политику», объясняя свое обращение в ислам патриотическим долгом перед императором и будущим Японией. Он рекомендовал молодым японцам выезжать за рубеж и «приложить свой пионерский дух японской военной нации помочь бедным людям Востока и Запада и повернуть свой взгляд на регион Западной Азии»¹⁷.

Япония глазами российского мусульманина

Несмотря на неблагоприятные условия, Р. Ибрагимов активно работал как панисламистский журналист в Стамбуле. Книга «*Alem-i Islam ve Japonya da Intisar-i Islamiyet*»¹⁸ (Мир ислама и распространение ислама в Японии) сделала его широко известным среди тюркоговорящих мусульман. Собранные в книгу дневниковые записи его долго-

го путешествия стали уникальным трудом, в котором автор рассматривает мир начала XX в. с точки зрения панисламистской идеологии, основанной на его непосредственных наблюдениях ситуации в Евразии. Обвиняя колониальное правление великих держав в Азии, Р. Ибрагимов не стесняется также критиковать слабость и противоречия, существующие в мусульманском мире. Он описывает вред, причиненный сектантским антагонизмом, коррупцией, необразованностью мусульман. Другими словами, он выполнял обязанности улема, которому и следует быть ответственным за развитие мусульманского общества. Несомненно, здесь он выступал как просветитель, преследующий цели пробуждения мусульман Азии. Одновременно не следует упускать из виду, что его мысли о Японии и японцах вносят вклад в формирование долговременного прояпонского имиджа в современной Турции и мусульманском мире в целом*.

Профессор Токийского университета Хисао Комацу и его жена профессор Университета Цукуба Каори Комацу в послесловии к своему переводу книги Р. Ибрагимова о ее роли пишут следующее: «“Мир ислама” — это собственноручно отредактированная Ибрагимовым книга, основанная на его путевых репортажах и записях лекций. Можно предположить, что и российские мусульмане, и турки Османской империи, будучи мусульманами одной тюркской семьи, планировали развитие литературы на основе общего литературного языка. Такая мысль вскоре привела к развитию политической идеологии, а Ибрагимова опять просто причислили к течению политической мысли, называемой “панисламизмом” и “пантюркизмом”»¹⁹.

Отмечая литературные достоинства книги для развития общетюркско-

* Х. Комацу также считает, что другим аспектом привлекательности Японии для Р. Ибрагимова был тот факт, что на японском примере ярче выражались дефекты мусульманских обществ (см.: Komatsu, H. Muslim Intellectuals and Japan: A Pan-Islamist mediator, Abdurreshid Ibrahim // *Intellectuals in the modern Islamic World: Transmission, transformation, communication*. Edited by St. Dudoignon, Komatsu H. and Kosugi Y. — Routledge, 2006. — P. 273-288, 278).

го языка, авторы большее значение придают тому факту, что книга стала фактически первым описанием Японии и японцев с позиции исламского мира. «Определенно, Ибрагимов не был первым мусульманином, прибывшим в открывшуюся миру Японию, и эта книга не является первой изданной книгой о Японии в исламском мире. В Османской империи первые изданные книги, которые рассказывали о существовании страны под названием “Япония”, стали появляться с конца XIX в. Однако они все были переводами с европейских оригиналов. Первой книгой, написанной лично турком, является “Русско-японская война” (1905-1906) Пертева-паши, служившего в османской армии и отправленного на Дальний Восток в качестве военного наблюдателя на фронтах русско-японской войны. Его книга в целом — военные мемуары, места внутри книги, посвященные Японии, содержат выдержки из западной литературы. В отличие от автора этой книги, Ибрагимов, который провел в Японии несколько месяцев, прожил их вместе с японцами. В этом смысле его книгу, написанную на основе реального опыта, можно назвать первым подробным описанием Японии. К тому же автор, рассуждая о японцах и японском обществе, часто добавляет горькие сравнения с мусульманским обществом того времени. Это также можно назвать отличительной особенностью этой книги»²⁰.

Записки о путешествиях по исламскому миру с размышлениями о его судьбе, несомненно, ввели Р. Ибрагимова в ряды всемирно признанных мусульманских интеллектуалов. Переводчики книги на японский язык подчеркивают значение книги Р. Ибрагимова не только для мусульманского мира, но и для японского общества в целом. «Представления Ибрагимова о Японии вскоре стали влиять как минимум на формирование образа Японии в турецком обществе. Мусульманские интеллектуалы не только осознали чувство близости к описанным Р. Ибрагимовым японцам и Японии, но и, открыв внутри быстро развивающейся Японии модель развития, отличающуюся от евро-

пейской, настроились на ожидание изменений в международных отношениях, последовавших за подъемом Японии. С другой стороны, для нас, японцев, также образ Японии периода Мейдзи, увиденный глазами путешественника из другой культуры под названием “исламский мир”, действительно представляет большой интерес. [...] В своей книге Ибрагимов проявился как совершенно другой, незападный, нехристианский, культурно отличающийся, общий с нами наблюдатель. Ее действительно можно назвать “встречей Японии периода Мейдзи с исламом”.

Ибрагимов благодаря своей редкой наблюдательности и горячей любознательности живо изображает Японию в период после русско-японской войны и представления разных японцев, от обычных военных и крестьян до Хиробуми Ито или Сигенобу Окума. И наиболее интересно то, что образ японцев, нарисованный им, фактически совпадает с тем представлением о нас, который существует ныне в Турецкой Республике и у турков Центральной Азии. Как будто его представления о японцах через годы проносят некое универсальное понимание.

Ибрагимов во время своего лишь пятимесячного пребывания в Японии познакомился с огромным количеством людей. В этот период его речи, сравнивающие восход Японии с закатом Запада, вполне совпадают с националистическими идеалами Японии периода Мейдзи. Указания Ибрагимова, связанные с политическим значением ислама в мире, особенно в Азии, серьезно вдохновили японских сторонников экспансионизма, которые преследовали цель создания объединения в Восточной Азии. Размышления Ибрагимова, без сомнения, внесли вклад в формирование японской “исламской политики”, практическая реализация которой проводилась в материковой части и Юго-Восточной Азии. Фактически в 1933 г. он был приглашен японской стороной снова приехать в страну. С точки зрения современной истории Японии его разносторонняя деятельность еще будет оценена»²¹.

Снова в Японии

Эмигрировав в Турцию после революции 1917 г., Р. Ибрагимов обнаружил, что новые политические условия в Турецкой Республике неподходящи для него. Во-первых, панисламистская идеология была запрещена во время правления М. Ататюрка, который уничтожил халифат и преследовал цель построения светского государства. Во-вторых, антисоветская риторика и поведение Р. Ибрагимова также не согласовывались с политикой турецкого правительства, которое стремилось установить близкие отношения с советской Россией после трудных лет борьбы Турции за независимость. Таким образом, после 1925 г. Р. Ибрагимову, которому было запрещено заниматься панисламистской деятельностью, ничего не оставалось делать, как жить в деревне около города Конья. Он уже настроился на спокойную старость, но в 1929 г. его посетили японские военные атташе из Анкары с приглашением переехать в Японию. Хотя детали этого приглашения остаются неизвестными, понятно, что сотрудничество с известными мусульманскими лидерами в период подготовки экспансии в Маньчжурии должно было быть необходимо для японцев, которые понимали стратегическую важность ислама в Азии.

Р. Ибрагимов принял приглашение и вновь приехал в Японию в октябре 1933 г. Накаба Вакабаяси в предисловии к сборнику «Исламский мир и Япония» в 1937 г. о приезде Ибрагимова в Японию писал следующее: «В 1933 году предварительно переговорив с некоторыми, я обнаружил, что существует всемирно известный мусульманский патриарх Решид Ибрагим (в том году ему было 94 года*), которого можно пригласить из Турции временно поселиться в Токио, одновременно привлекая его интерес к предварительной подготовке по проведению мусульманской политики. Старец является турецким подданным, который в императорской России был муфтием страны, долгое время служил советником по мусульманским делам у российской импе-

раторской семьи. После русской революции вернулся в Турцию, также служил советником у турецкой королевской семьи, но после турецкой революции отстранился от дел. Однако в качестве старейшего лидера пользуется глубочайшим авторитетом среди многочисленного мусульманского населения от Ближнего Востока до Африки, Индии, Синзяна, Маньчжурии и Дальневосточного Китая»²². Понятно, что не все соответствует действительности, но не подробности прошлого были важны для японской стороны, а реальная помощь Ибрагимова в текущей политической ситуации.

Р. Ибрагимов вновь приехал в Токио 12 октября 1933 г. Его тепло приняли японские националисты. 5 ноября 1933 г. для него специально была организована встреча с японскими высокопоставленными лицами²³. По сообщению газеты «Йомиури симбун», он рассказал о целях, которые поставил перед собой в Японии в этот раз²⁴. Во-первых, осуществлять сотрудничество между мусульманским миром и Японией, которая накануне вышла из Лиги Наций и могла быть намного свободнее в своих действиях на международной арене²⁵. Во-вторых, изучить текущую ситуацию в Японии, в которую он приехал снова после 25-летнего отсутствия. В-третьих, скорректировать образ ислама среди японцев, получавших информацию о нем из «лживых западных публикаций». Третья цель предполагала публикацию его автобиографии, которая могла бы рассказать японцам как о современной истории мусульманского мира, так и о японском переводе Корана, который он планировал осуществить. Ясно, что Р. Ибрагимов был настроен исполнить свой длительный план по объединению исламского мира с Японией для того, чтобы они вместе вписались в поствоенную структуру международных отношений. В 1934 г. в интервью газете «Йомиури синбун» Р. Ибрагимов сказал, что работает над автобиографией, однако неизвестно, закончил он ее или нет²⁵.

* Он ошибается в оценке возраста Р. Ибрагимова.

** Выход Японии из Лиги Наций Р. Ибрагимов горячо приветствовал.

Отношения с тюрко-мусульманской общиной

Отношения Р. Ибрагимова с тюрко-мусульманской общиной Японии, членами которой в основном были выходцы из Волжско-Уральского региона России, были противоречивыми. Несмотря на то что, как основной участник японской мусульманской политики, он оценивался в качестве наиболее уважаемого старейшины в мусульманской общине Токио, поводов не совсем благожелательного отношения эмигрантов к Ибрагимову было предостаточно.

Вначале Р. Ибрагимов был тепло принят Токийской мусульманской общиной, которой руководил М.-Г. Курбангалиев (1890-1972)²⁶, организовавший ее из «российских мусульман»-эмигрантов в 1925 г. Р. Ибрагимов также сотрудничал с журналом «Яна Япон мохбире» (Новый японский вестник). Этот журнал стремился показать «мусульман в социальной мысли и действии, важных одновременно для Японии и японцев и мусульман». Фактически он содержал множество анонимных статей, информирующих мусульманских читателей о положении дел в Японии, а также про-японские статьи, написанные мусульманскими интеллектуалами. Понятно, что подобный журнал не мог выходить без моральной, да и материальной поддержки издателя со стороны японских властей. И сотрудничество Ибрагимова с этим журналом полностью отвечало целям японской исламской политики.

Возможно, из-за страха потери позиций в мусульманском сообществе Японии, а также из-за невмешательства Ибрагимова в конфликт Курбангалиева с Гаязом Исхаки по идеологическим причинам отношения Курбангалиева и Ибрагимова становились со временем все более прохладными. На допросе 29 августа 1945 г. М.-Г. Курбангалиев заявил, что Ибрагимов был сторонником Г. Исхаки²⁷. Однако известно, что, после того как в 1938 г. М.-Г. Курбангалиев был отправлен в

Маньчжурию, Ибрагимов возглавил ту часть тюрко-мусульманской общины, которая не поддерживала националистическую идеологию Г. Исхаки. Когда строительство долгожданной соборной мечети Токио было завершено и 12 мая 1938 г. она официально была открыта, Р. Ибрагимов был назначен ее имамом, таким образом сохраняя ключевую позицию в мусульманской общине Японии и поле для реализации своих идей. Влияние же на тюркскую общину было ограниченным вследствие того что в глазах последней он дискредитировал себя связями с советской Россией. Об этом писал Г. Исхаки, оказавший огромное влияние на рост националистических настроений диаспоры в середине 1930-х гг., в статье «Коммунист-хаджи» в одном из номеров журнала «Милли Юл»²⁸. Это дало повод с подозрением относиться к Ибрагимову не только эмигрантам, но даже японцам, пригласившим его. В отчете министерства иностранных дел за 6 декабря 1937 г. под названием «О лидерах мусульманского движения в Японии» Ибрагимов был назван бывшим сторонником Курбангалиева, отношения с которым прекратил недавно²⁹. Отмечалось, что Р. Ибрагимов имел турецкое гражданство, но не поддерживал отношения с турецким посольством в Японии. Он был назван панислаμισмом, политическим деятелем с паназианистскими взглядами, чей сын закончил университет Васеда и работал на турецкое правительство. Авторы доклада отмечали, что, согласно турецким источникам, Р. Ибрагимов подозревался в связях с Советским Союзом, но этот факт невозможно было подтвердить или опровергнуть³⁰.

В конфликте Исхаки с Курбангалиевым Ибрагимов был на стороне последнего. Но, после того как японцы дали Исхаки карт-бланш в реализации своих целей по объединению всей дальневосточной тюрко-мусульманской эмиграции, он осознал роль последнего и отстранился от участия в жизни тюрко-мусульманской общины как Японии, так и всего Дальнего Востока.

*Р. Ибрагимов и Исламская
ассоциация Великой Японии*

В июле 1934 г. на собрании, посвященном публикации Корана, Р. Ибрагимов выступил с приветствием, в котором с горечью заявил, что «до сих пор в японском законодательстве нет закрепленного положения об исламе. Но, так как Япония сегодня стала империей, другими словами, так как необходимо установить экономические отношения с тремястами миллионами мусульман, существует необходимость утвердить ислам официальной религией в японском законодательстве»³¹. Р. Ибрагимов последовательно, шаг за шагом, шел к цели, поставленной еще во время своих первых визитов в Японию, — к приданию исламу равного с другими религиями статуса в этой стране. Он сблизился с японскими интеллектуалами, которые формировали идеологическую основу для принятия стратегических решений. Так, известно, что Р. Ибрагимов преподавал арабский язык и чтение Корана Сюмей Окава (1886-1957), наиболее известному интеллектуалу и адвокату предвоенного японского национализма³². С. Окава был экспертом по исламу. Он даже перевел на японский язык Коран в течение своего послевоенного заключения в тюрьме Сугамо. Именно позиция Окава повлияла в конечном счете на формирование исламской политики Японии в конце 1930-х гг. Он первым обосновал необходимость изучения исламских предметов в вузах. Среди тех, кто учился у Р. Ибрагимова, а затем и в послевоенное время занимался изучением ислама, были: исследователь турецкой истории османского периода в предвоенной Японии Чишу Найто (1886-1950), эксперт по тюркологии и Средней Азии Кодзи Окубо (1888-1950), первый специалист по арабистике, учившийся в знаменитом египетском университете аль-Азхар, Хадзиме Кобаяси (1904-1963), эксперт по исламской философии Тосихико Идзучу (1914-1963).

В 1938 г. японское правительство ознаменовало начало проведения в жизнь своей «исламской политики» открытием Токийской мечети и создани-

ем Дай Ниппон Кайкё Кёкай (Исламской ассоциации Великой Японии) при поддержке МИДа, армии и флота. Мечеть была официально открыта 12 мая 1938 г. в присутствии японской элиты и зарубежных гостей, включая представителей королевских семей Саудовской Аравии и Йемена. Р. Ибрагимов возглавлял церемонию открытия мечети, что подчеркивало его статус. Он же стал имамом мечети, хотя, возможно, предполагалось, что им будет М.-Г. Курбангадиев, арестованный накануне во избежание конфликта в тюрко-мусульманской общине, которая принимала активное участие в «исламской политике» Японии, особенно в Маньчжурии.

Р. Ибрагимов непосредственно участвовал в деятельности организации Исламской ассоциации Великой Японии. Организационно ассоциация возникла в сентябре 1938 г. Ее президентом стал генерал Сендзюро Хаяси*, который поддерживал маньчжурскую оккупацию. Р. Ибрагимов был ее духовным лидером.

Ассоциация была официальной мусульманской организацией Японии вплоть до конца Второй мировой войны. Она преследовала цели создания близких отношений Японии и 300-миллионного мусульманского мира для создания нового порядка в Восточной Азии. Представляя положение мусульман в мире японской аудитории в журнале «Кайкё секай» (Мусульманский мир), ассоциация также руководила мусульманскими организациями на оккупированной территории в Китае и Маньчжурии³³. В 1939 г. она провела пропагандистскую выставку мусульманской культуры в супермаркете Мацудзакая в Токио и Осака во время Первого Всемирного конгресса мусульман, а также добились наконец-то признания ислама в стране.

Р. Ибрагимов возглавлял конгресс Ассоциации последователей ислама Великой Японии, имеющей отделения не только в Японии, но и Китае. Вероятно, Ибрагимов считал, что участием в этих

* Сендзюро Хаяси (1876-1943), в 1934-1935 гг. военный министр, в 1937 г. премьер-министр Японии.

организациях он достигнет осуществления своих жизненных целей. Он не успел увидеть крах японского милитаризма, который разрушил и все плоды его многолетней деятельности.

Есисиги Козай (1901-1990), работавший в исследовательском отделе Исламской ассоциации Великой Японии и одновременно в Институте по изучению исламского мира, впоследствии ставший исследователем марксизма, написал в своих «Военных дневниках»: «1 сентября, пятница. Говорят, что вчера вечером скончался 94-летний патриарх Ибрагимов. Именно этот старец был “лицом” Исламской ассоциации Великой Японии. Ассоциация приукрашивает и преувеличивает его личность, и потому продолжает свою деятельность. Я тоже один из тех, кто присоединился к процессу создания “святого”. Смерть Ибрагимова может стать еще одним небольшим поводом.

2 сентября, суббота. Сегодня похороны Ибрагимова. В направлении к его дому, прислонившись к спинке стула рядом с его гробом, окруженным толпой тюрко-татар, быстро записываю ручкой сегодняшнюю ситуацию. Затем иду в мечеть на Йо-Йоги, вечером возвращаюсь в ассоциацию, немедленно по требованию руководства пишу небольшое сообщение “Смерть Ибрагимова”. В действительности это для меня несколько странная работа»³⁴.

Р. Ибрагимов умер в Токио 31 августа 1944 г., когда японское поражение в войне уже становилось очевидно всем. Что он думал по этому поводу, не был ли разочарован в том, что его идеи, скорее всего, будут погребены под руинами Японской империи, неизвестно. К сожалению, он, кажется, не оставил записей своего пребывания в Японии в последние годы жизни, как это делал во время своих первых визитов в страну. Последними его словами стали: «Я мусульманин», произнесенные трижды. Его похоронили на токийском кладбище Тама. На его смерть откликнулся телеграммой соболезнования Амин Аль-Хусейн, осуществлявший исламскую политику в фашистской Германии: «Габдурашид Ибрагим

Могила Р. Ибрагимова на кладбище Тама в Токио. 2005 г. Фото автора.

был известным мусульманским миссионером и много сделал для мусульман. Мусульманский мир сожалеет, узнав о его смерти»³⁵. Он также отметил политические цели деятельности Ибрагимова и призвал мусульман Восточной Азии помогать Японии в войне в соответствии с «волей Ибрагимова»³⁶. Газета тюрко-мусульманской эмиграции на Дальнем Востоке «Милли Байрак» 18 сентября 1944 г. написала в соболезновании о его смерти с сожалением, что Ибрагимов «не присоединился к нашему национальному движению. Поэтому если не считать близких людей покойного, японцы не знали о том, что он тюрко-татарин»³⁷. Действительно, до конца своих дней он оставался панисламистом, не подчеркивая национальной составляющей своей идентичности.

В России имя Рашида Ибрагимова, обвиненного в панисламизме, в советский период было под запретом. Его международная деятельность, идеологические и философские взгляды так до сих пор остаются непонятыми и неопцененными на родине.

Но времена меняются, и хочется думать, что имя Ибрагимова привлечет внимание не только зарубежных иссле-

дователей, но и станет широко известным в нашей стране. Японские исследователи считают, что только за то, что Р. Ибрагимов обучал арабскому языку и исламоведению Тосихико Идзуцу (1914-1993), ставшего впоследствии одним из всемирно признанных ученых-исламоведов, его имя навечно вписано в историю развития исламских исследований в Японии³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ibrahim, A. Alem-I Islam ve Japonya'da Intisar-I Islamiyet. – Istanbul, 1909.
2. Komatsu, H. Senkyuhyakugo nen zengo no sekai: Roshia musurimu no shiten kara // Kyoshano sekai: Teikokushugino jidai. – Tokyo, 1995. – P. 117-146; Komatsu, H. Kakumeino chuo ajia: Aru jadidono shozo. – Tokyo, 1996. – P. 312; Sakamoto, T. Yamaoka Kotaro no Mekka junrei to Abudeyureshito Ibrahimi // Kindai nihon to toruko sekai / Edited by O. Ikei and T. Sakamoto. – Tokyo, 1999. – P. 157-217; The Rising Sun and the Turkish Crescent: New Perspective on the History of Japanese Turkish Relations / Edited by S. Esenbel and I. Chiharu. – Istanbul, 2003. – 309 p.; Komatsu, H. Ibrahimi, Nihon e no tabi. – Tokyo, 2008. – P. 165.
3. Komatsu, H. Muslim Intellectuals and Japan: A Pan-Islamist mediator, Abdurreshid Ibrahim // Intellectuals in the modern Islamic World: Transmission, transformation, communication / Edited by St. Dudoignon, H. Komatsu and Y. Kosugi – Routledge, 2006. – P. 273-288, 275.
4. Ибрагимов Р. Стремление татар к независимости // Дипломатический вестник. – 1909. – № 137. – С. 212-219, 213.
5. Ibrahimi to kataru // Yomiuri Shinbun. – 1909. – June, 11.
6. Komatsu, H. Muslim Intellectuals and... – P. 273-288, 273.
7. Esenbel, S. Japanese perspectives of Ottoman World // The Rising Sun and the Turkish Crescent / Edited by S. Esenbel and I. Chinaru. – Istanbul, 2003. – P. 7-41, 29.
8. История 30-летней деятельности общества «Кокурюкай». – Токио, 1930.
9. Esenbel, S. Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900-1945 // The American Historical Review. – 2004. – Vol. 109. – № 4. – P. 1140-1170.
10. Wakabayashi, N. Kaikyō sekai to nihon. – Tokyo, 1938.
11. Esenbel, S. Japan's Global Claim... – P. 1140-1170.
12. Там же.
13. Yamaoka, K. Sekai no shimpikyō Arabia jūdanki. – Tokyo, 1912.
14. Sakamoto, T. The First Japanese Hadji Yamaoka Kotaro and Abdurresid Idrahim // The Rising Sun and the Turkish Crescent / Edited by S. Esenbel and I. Chinaru. – Istanbul, 2003. – P.105-121, 107.
15. Yamaoka, K. Ajia nidai undo — kaikyoto to yudayadzin. – 1928. – P. 92, 165-167.
16. Sakamoto, T. The First Japanese Hadji... – P. 105-121, 119.
17. Esenbel, S. Japan's Global Claim... – P. 1140-1170.
18. Ibrahim, A. Alem-I Islam ve Japonya'da Intisar-I Islamiyet. – Istanbul, 1909.
19. Abudeyureshito Ibrahimi, Japonya: isuramukei roshiajin no mita Meiji Nihon. – Tokyo, 1991. – P. 405-410.
20. Там же. – С. 407.
21. Там же. – С. 406-410.
22. Komatsu, H. Ibrahimi, Nihon e... – P. 138.
23. Яна Япон Мохбире. – 1933. – № 12. – Б. 41-45.
24. Yomiuri Shinbun. – 1933. – December, 10.
25. Komatsu, H. Muslim Intellectuals and... – P. 273-288, 286.
26. Nishiyama, K. Kurubangari ryakuden: Senkanki dzairyu kaikyō tonō mondai ni yosete // Roshia kakumeishi kenkyū shiryō. – Sapporo, 1996. – № 3. – P. 1-26; Юнусова А. Великий имам Дальнего Востока Мухаммед-Габдулла Курбангалиев // Вестник Евразии. – 2001. – № 1/4. – С. 83-116.
27. Из личного архива Ф. Девлет-Кильди.
28. Милли юл. – 1931. – № 2.
29. Gaimushe. Gaiko shiryokan. Kaikyō kenkyukai. «Waga kuni ni okeru kaikyō undosha ni tsuite». 6.12.1937. B04012533200. P. 477-492.
30. Там же.
31. Komatsu, H. Ibrahimi, Nihon e... – P. 155.
32. Okawa, S. Kaikyō gairon. – Tokyo, 1943.
33. Подробнее см.: Office of Strategic Services, Research and Analysis Branch, Japanese Infiltration among Muslims in Russia and Her Borderlands, August 1944, R&N No. 890. 2.
34. Komatsu, H. Ibrahimi, Nihon e... – P. 165.
35. Milli Bairağ. – 1944. – № 391.
36. Там же.
37. Там же. – № 389.
38. Komatsu, H. Ibrahimi, Nihon e... – P. 165.

Лариса Усманова,
доктор социологии (Япония)

